

рова. Программа осталась прежней, несмотря на незначительное изменение в заглавии журнала. Разрешение, полученное 26 июня 1856 года, давало право Мею начать карьеру издателя с 1857 года, но проект снова остался нереализованным. В это время Мей стал завсегдатаем вечеров графа Г. А. Кшелева-Безбородко, который с 1856 года также задумывал издавать свой журнал «Русское слово», к обсуждению организации которого Мей имел прямые отношения.²⁷

²⁷ Воробьева О. А. Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово». С. 144–159.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-145-154

© С. Н. Гуськов

КОНФЛИКТ И. А. ГОНЧАРОВА И И. С. ТУРГЕНЕВА В СОЦИАЛЬНОЙ ОПТИКЕ*

Публичная ссора двух выдающихся русских писателей середины XIX века считается одним из самых скандальных эпизодов в истории отечественной литературы. Чувство неловкости (разумеется, за Гончарова)¹ у современников и потомков возникло даже не столько в 1859 году, когда были впервые в узком кругу обнародованы его претензии к Тургеневу, сколько в 1921-м, по выходе в свет «Необыкновенной истории», гончаровской интерпретации событий.

Как кажется, приоритетом для большинства исследователей этой темы было стремление смягчить и сгладить конфликт, обойти его острые углы и каким-то образом прийти к заключению, что ничего из описываемого в мемуарной книге Гончарова не могло быть, а значит, и не было, никто не виноват, все это плод нездорового воображения. Приоритет, вполне понятный для современников, участников третейского суда. Однако для исследовательских задач он менее пригоден, хотя и психологически объясним тем, что в безобразный конфликт были вовлечены знаменитые писатели. Естественным побуждением было желание историю эту поскорее замять.

Кстати, именно так отреагировали на «Необыкновенную историю» ее первые читатели. Рукопись этого текста хранилась после смерти Гончарова у его преданной литературной помощницы Софьи Александровны Никитенко (дочери известного мемуариста и друга Гончарова А. В. Никитенко), которая передала ее одному из душеприказчиков Гончарова А. Ф. Кони, и тот по прочтении предложил это произведение немедленно уничтожить.

Кони писал директору Публичной библиотеки Э. Л. Радлову 1 августа 1920 года: «Прочитав этот поток подозрений Тургенева в своеобразном плагиате сюжетов, злобных инсинуаций по его адресу и ругательных характеристик, я пришел в мое время к выводу, что это большой бред (Гончаров, несомненно, страдал «навязчивыми идеями», в чем по отношению к Тургеневу я имел случай лично и много раз убедиться, о чем, при удобном случае, могу Вам подробно рассказать). Лучше всего согласно надписи, сделанной самим Гончаровым на рукописи, ее уничтожить».²

Действительно, «Необыкновенная история» автором не предназначалась для печати. Гончаров в сопроводительной заметке к рукописи указывал: «Из этой рукописи,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН. За бесценные советы благодарю А. С. Бродову и М. Б. Велижева.

¹ История многими воспринималась как «внутренняя драма Гончарова» (О первой публикации «Необыкновенной истории» (Письма А. Ф. Кони и Э. Л. Радлова) / Публ. О. А. Демиховской // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 306–307).

² Там же. С. 306.

<...> после моей смерти, может быть извлечено, что окажется необходимым, для оглашения, только в том крайнем случае, <...> если бы в печати возникло то мнение, те слухи и та ложь, которые я здесь опровергаю! В противном случае — прошу эти листы, по воле умирающего, предать огню, [январь 1876 года. И. Гончаров] или же хранить в Императорской публичной библиотеке, как материал для будущего историка русской литературы, июль 1878 года. И. Гончаров».³

Тем не менее администрация Публичной библиотеки, которая приобрела рукопись за довольно большие деньги, в 1924 году этот текст обнародовала и ввела в научный оборот.⁴

Ссора Гончарова и Тургенева впервые была рассмотрена еще третейским судом их современников; обращались к ней и впоследствии комментаторы «Необыкновенной истории». Несмотря на маргинальный характер этого текста, а может отчасти и благодаря ему, «Необыкновенной истории» посвящена довольно обширная литература. Опуская подробный ее обзор, укажем только на то, что обвинения в плагиате, предъявленные Гончаровым Тургеневу, чаще всего оценивались с двух точек зрения: историко-литературной — и тогда сюжетное сходство «Обрыва» и «Дворянского гнезда» рассматривалось как случайное совпадение великих художников, обратившихся к материалу одной и той же эпохи,⁵ и психопатологической — и тогда речь шла в основном о том, что послужило причиной «помешательства» Гончарова (плохая наследственность, психологические травмы конца 1860-х и проч.).⁶

Следует отметить, что попыток проблематизации конфликта в иной исследовательской оптике практически не предпринималось. Между тем, его описание с учетом биографических и творческих характеристик, круга общения и особенностей коммуникации обоих участников позволяет немного в другом свете интерпретировать как некоторые причины этого столкновения, так и его последствия. Культурно-исторический и общественный фон, на котором возникла и разрасталась распря Гончарова и Тургенева, во многом ее обусловил, стал если не причиной, то катализатором.

Историки русской литературы всегда значительно охотнее акцентировали факторы сближения, а не дистанцирования этих авторов. Обличитель «обломовщины» (Гончаров) и борец против крепостного права (Тургенев) в советской и постсоветской научной традиции всегда располагались где-то рядом, на одном уровне, бок о бок, как на хорошо известной фотографии авторов журнала «Современник» 1856 года. Это уютное историко-литературное соседство, безусловно, имело объективные основания: Гончаров и Тургенев — современники, траектории их писательских и личных биографий неоднократно пересекались: частично совпадали и сферы общения в Петербурге, оба входили в кружок В. Г. Белинского; у обоих пик творческой активности пришелся на середину XIX века, романы, принесшие им успех («Дворянское гнездо» и «Обломов»), вышли в свет синхронно в 1859 году, считалось, что у них был один и тот же художественный метод (реализм), признавался обычно и сопоставимый масштаб дарования. Все перечисленное, впрочем, могло как сближать, так и отталкивать: идеологическая, эстетическая и хронологическая близость — благодатная почва для создания похожих текстов, возникновения творческой конкуренции, а значит, и для взращивания подозрений в плагиате.

Еще Б. М. Энгельгардт интерпретировал конфликт Гончарова и Тургенева как конкурентную борьбу за право быть первым русским писателем, однако понимал это не как явление, обусловленное социальными факторами, а только как случайный казус, психологическое последствие неожиданно уязвленного авторского честолюбия Гончарова, ко-

³ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. Т. 102. С. 195. Далее текст «Необыкновенной истории» приводится по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.

⁴ См. об этом: Лит. наследство. Т. 102. С. 305–307.

⁵ См., например: Недзвецкий В. А. Конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова как историко-литературная проблема // Slavica (Debrecen). 1986. Т. XXIII. С. 315–332.

⁶ См., например: Тер-Микельян С. Г. Большая душа Гончарова (Из семинария Н. К. Пиксанова на Петроградских высших женских курсах). Пг., 1916.

торый после публикации «Дворянского гнезда» должен был уступить звание лучшего русского романиста своему счастливому сопернику. Как и многие последующие исследователи, Энгельгардт больше интересовался мотивами поступков только одного участника конфликта, Гончарова, как бы выводя второго (Тургенева) за скобки.⁷

В различных источниках⁸ история конфликта воспроизводится примерно одинаково. В 1855 году, т. е. за 14 лет до публикации «Обрыва», Гончаров рассказал Тургеневу замысел романа. Тургенев этот рассказ запомнил и использовал отдельные сюжеты, мотивы, детали гончаровского замысла в романах «Дворянское гнездо» (1859) и «Накануне» (1860). Гончаров, заметив сходство некоторых образов и сцен в этих романах со своим рассказом, высказал подозрения публично. Разразился скандал. Тургенев потребовал общественного разбирательства.

Третейский суд из общих знакомых (Анненков, Дружинин, Дудышкин) постановил следующее: «Произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны».⁹ После третейского суда отношения между Тургеневым и Гончаровым прекратились. Помирились они только в 1864 году на похоронах Дружинина.

На этом фактическая сторона «Необыкновенной истории» заканчивается и начинается гипотетическая, которая иногда подтверждается дополнительными изысканиями, иногда нет, а иногда носит откровенно параноидальный характер.

В частности, далее рассказывается о том, что Тургенев и его сторонники предпринимали разнообразные усилия для того, чтобы «Обрыв» не был закончен и опубликован, а когда в 1869 году роман все же вышел в свет, устроили ему настоящую травлю в критике. Отдельный сюжет «Необыкновенной истории» посвящен международной кампании против Гончарова, якобы также устроенной Тургеневым. В ней речь идет о дискредитации писателя путем создания и распространения неполного перевода романа «Обломов» П. Артамова и Ш. Делена, о преуменьшении его историко-литературного значения в книге С. Курьера, а также о передаче выведенных Тургеневым замыслов «Обрыва» Флоберу и Ауэрбаху, которые в «Мадам Бовари» и «Даче на Рейне» соответственно тоже не преминули их использовать.¹⁰

Эту часть «Необыкновенной истории», которая и вызывала наибольшее негодование критиков писателя, мы оставим за рамками данной статьи, а рассмотрим только те

⁷ «...С зимы 1857–58 г. на горизонте появились, по-видимому, первые тучи, предвестницы грозы: в сознании Гончарова зашевелились те подозрения, которые позднее — под влиянием общего психического расстройства — превратились в навязчивые идеи и привели в конце 60-х годов к полному и окончательному разрыву между писателями» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисловием и прим. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923. С. 13).

⁸ Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 184–304; Анненков П. В. Шесть лет переписки с Тургеневым. 1856–1862 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 431–433; Майков Л. Н. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859–1860 гг. // Русская старина. 1900. № 1. С. 5–23.

⁹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 433.

¹⁰ Близкие к маниакальным высказывания Гончарова могли быть отчасти спровоцированы современной критикой. Мнительному писателю могло быть достаточно того, что, например, писал А. С. Суворин в статье «Французское общество в новом романе Густава Флобера»: «Не знаем, приходили ли нашим читателям на мысль некоторые сравнения между лицами романа Флобера и лицами наших русских известных романов, но нам многие из них напоминали родное, особенно Фредерик (Моро; герой романа «Воспитание чувств». — С. Г.); не есть ли это представитель того разряда характеров, которые у нас известны под именем людей сороковых годов? То же поклонение искусству во всех видах и формах, тот же избыток чувства, то же отсутствие инициативы и упорства в достижении целей, великодушные порывы, трудно объяснимые, рядом с таким же равнодушием, порядочность и благородство рядом с поступками, огню не делающими чести порядочному и благородному человеку. Фредерик иногда невыразимо гадок и пошл, а иногда внушает опять к себе сочувствие. Он напоминает хорошо знакомого нашим читателям Райского с тем различием, что Флобер отнесся еще объективнее к своему герою, чем наш почтенный романист» (Вестник Европы. 1870. № 2. С. 822; курсив мой. — С. Г.).

обстоятельства конфликта Гончарова и Тургенева, которые подтверждаются документально.

Гончаров и Тургенев познакомились во второй половине 1840-х годов и сразу друг другу не понравились. По мнению Энгельгардта, «скромный и осторожный чиновник Министерства финансов, преподававший литературу детям Майковых, едва ли мог привлечь к себе внимание молодого Тургенева, искавшего прежде всего известности, оригинальности и эффекта».¹¹ О впечатлении, произведенном каждым из них на другого, мы знаем из двух источников: из воспоминаний самого Гончарова в «Необыкновенной истории», а также из мемуаров А. Я. Панаевой.

В «Необыкновенной истории», рассказывая о первой встрече с Тургеневым, Гончаров отмечал, что тот подчеркнуто держался с ним как аристократ, человек «высшего света»: «Он стоял спиной к двери, в которую я вошел, и рассматривал в лорнет гравюры или портреты на стене. Белинский назвал нас друг другу, Тургенев обернулся, подав мне руку, и опять начал внимательно рассматривать картинки. Потом опять обернулся, сказал мне несколько одобрительных слов о моем романе и опять — к картинкам. Я видел, что он позирует, небрежничает, рисуется, представляет франта, в роде Онегиных, Печоринных и т. д., копируя их статью и обычай. Он сам, в откровенные минуты, признавался потом, что он с жадностью и завистью смотрел на тогдашних львов большого света, Столыпина (прозванного «Монго») и поэта Лермонтова, когда ему случалось их встречать» (с. 196).

Об аристократизме Тургенева упоминают и другие его современники, например член кружка Белинского К. Д. Кавелин, а также И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях»: «Я встречал, еще до моего знакомства с ним (Тургеневым. — С. Г.), довольно часто на Невском проспекте очень красивого и видного молодого человека с лорнетом в глазу, с джентльменскими манерами, слегка отзывавшимися фатовством. Я думал, что это какой-нибудь богатый и светский юноша, и был очень удивлен, когда узнал, что это — Тургенев».¹²

Что касается Тургенева, то он неоднократно оценивал Гончарова и особенно его литературные перспективы (а потом и творческие итоги) снисходительно-скептически прежде всего потому, что тот находился на службе, был чиновником.

По воспоминаниям Панаевой, когда в «Современнике» вышла «Обыкновенная история» и все захотели знать больше о новом таланте, «Тургенев объявил, что он со всех сторон „штудировал“ Гончарова и пришел к заключению, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами, что в его натуре нет никаких порывов, что он совершенно доволен своим мизерным миром и его не интересуют никакие общественные вопросы, „он даже как-то боится разговаривать о них, чтобы не потерять благонамеренность чиновника. Такой человек далеко не пойдет! — посмотрите, что он застрянет на первом своем произведении“».¹³ Среди литераторов-современников Тургенев, например, значительно выше ставил Дружинина: «Когда было напечатано первое произведение Дружинина в „Современнике“ (повесть «Полинька Сакс» в том же 1847 году. — С. Г.), Тургенев говорил Некрасову и Панаеву: — Положительно везет „Современнику“! Вот это талант, не чета <...> вознесенному до небес вами *апатичному чиновнику* Ивану Александровичу Гончарову».¹⁴

И в дальнейшем, несмотря на очевидную несостоятельность своего прогноза, Тургенев от этой точки зрения на Гончарова не отказался и, к примеру, объяснял неудачные, по его мнению, фрагменты «Обрыва» (1869) свойственной Гончарову «департаментской» манерой мышления и выражения: «Это написано чиновником для чиновников и чиновниц. <...> Самый слог, которым я некогда восхищался, представляется мне каким-то гладко выбритым, благообразно мертвенным чиновничьим лицом с бакенбардами, ниточкой вытянутыми от ушей к углам губ», — сообщал Тургенев Аннен-

¹¹ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. С. 10.

¹² Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 286–287.

¹³ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1948. С. 182.

¹⁴ Там же. С. 199; курсив мой. — С. Г.

кову 12 (24) января 1869 года;¹⁵ а также в датированном тем же днем письме к И. П. Бородину: «...вся эта старенькая, чиновничья литература очень отдает фальшью».¹⁶

Таким образом уже во время своего знакомства во второй половине 1840-х годов Гончаров и Тургенев идентифицировали друг друга как людей социально не близких, обозначили между собой определенную общественную дистанцию.

И действительно, Гончаров, в то время мелкий чиновник Департамента внешней торговли, титулярный советник, происходивший из купеческого сословия, в социальном плане много уступал Тургеневу, потомку древнего дворянского рода, потенциальному наследнику значительного состояния. И хотя, по настоянию матери, Тургенев также вступил в службу, но стремительно вышел в отставку (в 1845 году), довольствовавшись чином коллежского секретаря, поскольку служебная карьера его, разумеется, совсем не интересовала и, в отличие от Гончарова, не была источником средств к существованию.

Но не менее важно и то, что в начале их знакомства Тургенев, насколько мы можем судить по мемуарам современников, не воспринимал Гончарова как перспективного литератора, на что в общем-то имел все основания. Гончаров много времени посвящал службе, а литературой имел возможность заниматься только на досуге. Отношение Тургенева не противоречило и самооценке Гончарова. В автобиографии Гончаров писал об этом периоде своей жизни: «Все свободное от службы время посвящал литературе. <...> Сблизившись коротко с семейством артиста-живописца Н. А. Майкова (отца известного поэта), Гончаров участвовал с ними в домашних, так сказать, то есть не публичных, занятиях литературою. Потом это участие перешло, хотя мало и незаметно, уже в журналы, в которых участвовали некоторые из друзей Майковых. <...> Он писал, в этом домашнем кругу, и повести, также домашнего содержания, то есть такие, которые относились к частным случаям или лицам, больше шуточного содержания и ничем не замечательные».¹⁷ Гончаров, вероятно, имеет в виду такие произведения, как «Лихая болезнь» (1838), «Счастливая ошибка» (1839) — небольшие тексты, не предназначенные для широкой публики, обнаруженные исследователями его творчества в рукописных журналах Майковых «Подснежник» и «Лунные ночи».¹⁸ Эта «домашняя» форма существования литературы, как кажется, повлияла на самооценку Гончарова-писателя и в «публичный» период. Даже хорошо известные обстоятельства его дебюта свидетельствуют о том, что литература не воспринималась им тогда как жизненный приоритет.

После неоднократных чтений в доме Майковых Гончаров «с ужасным волнением» (с. 198) через посредство М. А. Языкова решил послать текст «Обыкновенной истории» Белинскому. Любопытные обстоятельства этого события хорошо известны из воспоминаний Панаева и Д. В. Григоровича. «...Гончаров, зная близкие отношения Языкова с Белинским, передал рукопись „Обыкновенной истории“ Языкову для передачи Белинскому, с тем, однако, чтобы Языков прочел ее предварительно и решил, стоит ли передавать ее? Языков с год держал ее у себя, развернул ее однажды (по его собственному признанию), прочел несколько страничек, которые ему почему-то не понравились, и забыл о ней. Потом он сказал о ней Некрасову, прибавив: „Кажется, плоховато, не стоит печатать“. Но Некрасов взял эту рукопись у Языкова, прочел из нее несколько страниц и, тотчас заметив, что это произведение, выходящее из ряда обыкновенных, передал ее Белинскому, который уже просил автора, чтобы он прочел сам».¹⁹ Григорович, пересказывающий в своих воспоминаниях эту же историю, объясняет ее не только

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1995. Т. 9. С. 127.

¹⁶ Там же. С. 128.

¹⁷ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 223; курсив мой. — С. Г.

¹⁸ Любопытно, что фрагмент автобиографии, в котором Гончаров рассказывает о «не публичных занятиях литературою», редакция «Художественного листка», по заказу которой и был написан текст, исключила. (В современном издании он был восстановлен по рукописи.) Возможно, уже в 1859 году такое отношение к литературе автора, признаваемого одним из «первых» романистов, по мнению редакции, могло представлять его в невыгодном свете.

¹⁹ Панаев И. И. Воспоминание о Белинском // Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 348.

необязательностью и отсутствием литературного вкуса у Языкова,²⁰ но также и феноменальной авторской непритязательностью Гончарова. Ведь он, как считал Григорович, тогда «и не подозревал в себе будущего писателя. Скромность мнения о себе доказывается тем, что рукопись первого его романа „Обыкновенная история“ пролежала у приятеля Панаева, М. А. Языкова, более года, не вызвав никакого протеста со стороны автора».²¹ «Мнение о себе» не изменилось у Гончарова и позднее,²² даже после восторженной реакции Белинского.

Высокая оценка «Обыкновенной истории», по мнению писателя, объяснялась известной горячностью и увлеченностью Белинского: «Он как Дон Жуан к своим красавицам — относился к своим идолам: обольщался, хладел, потом стыдился многих из них и как будто мстил за прежнее свое поклонение. Идолы следовали почти непрерывно один за другим. Истопившись весь на Пушкина, Лермонтова, Гоголя (особенно Гоголя, от обаяния которого он еще не успел вполне успокоиться, когда я познакомился с ним), он сейчас же легко перешел к Достоевскому, потом пришел я — он занялся мною, тут же явился Григорович, попозже Кольцов, наконец Дружинин. Ко мне он отнесся сравнительно покойнее и трезвее, потому что я подвернулся с своей книгой как раз после одного из этих разочарований, в котором он покаялся даже где-то печатно — и стал немного осторожнее. Но и тут, в первые недели знакомства, послушавши его горячих и лестных отзывов о себе, я испугался, был в недоумении и не раз выражал свои сомнения и недоверие к нему самому и к его скороспелому суду».²³

Помимо сдержанной самооценки, важную роль играли и объективные факторы: Гончаров довольно поздно дебютировал (в год публикации «Обыкновенной истории» ему исполнилось 35 лет); творческая производительность его была катастрофически низка, а надежды на успешное продолжение литературной карьеры незначительны. В этом отношении он не мог казаться соперником Тургеневу, к концу 1840-х годов не без успеха попробовавшему свои силы в лирической поэзии, переводах, лиро-эпосе (поэмы «Параша», «Андрей», «Помещик»), драматургии, критике, малой прозаической форме. Такое представление о раскладе творческих сил разделяли и Гончаров, и Тургенев, что существенно для понимания дальнейшего развития событий.

Следующая важная хронологическая точка в истории с «плагиатом» относится к 1855 году. Это момент, когда Гончаров рассказывает Тургеневу замысел «Обрыва». Анализируя этот эпизод, важно ответить на два вопроса: почему Гончаров поделился планами еще не написанного романа и почему Тургенев счел для себя возможным услышанным в той или иной мере воспользоваться?

Гончаров, как известно, в 1855 году возвращается в Петербург после участия в длительном морском походе в Японию и последующего путешествия по Сибири. В это время естественно расширяется круг его общения, его всюду зовут, он часто посещает литературные собрания, обеды, вечера, в частности, неоднократно встречается с Тургеневым. Отношение Тургенева к Гончарову, по сравнению с моментом их знакомства, видимо, принципиально не изменилось. Хотя уже вышел в свет «Сон Обломова» и Гончаров начал публиковать очерки путешествия, он по-прежнему воспринимался как чиновник, пусть и более высокопоставленный, чем в 1847 году. Стремительный («вне правил») карьерный рост, произошедший благодаря участию в секретной экспедиции Е. В. Путягина, конечно, увеличил социальный капитал Гончарова, но его писательская репутация могла от такого поворота событий, наоборот, пострадать, потому что столь успешная служебная командировка только усиливала в глазах окружающих вероятность продолжения им бюрократической карьеры.

²⁰ Похожую историю о том, как Языков забыл передать Белинскому рукопись Некрасова «Петербургские углы», рассказывает Панаева (см.: Панаева А. Я. Воспоминания. С. 214–215).

²¹ Григорович Д. В. Из «Литературных воспоминаний» // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 56.

²² Гончаров и позже относил себя к «фаланге писателей 2-го и 3-го разрядов, имя которым — легион» (Гончаров И. А. Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 211).

²³ Гончаров И. А. Заметки о личности Белинского // Там же. С. 50.

Тургенев же к 1855 году успел значительно укрепить свое влияние в литературной жизни, зарекомендовав себя как активный и разносторонний ее участник: он известный прозаик, автор «Записок охотника», драматург, поэт, критик, публикатор и редактор чужих произведений, активный сотрудник некрасовского журнала «Современник». Несмотря на относительную молодость, он в гораздо большей степени, чем Гончаров, причастен к литературному производству²⁴ и обладает в этой сфере значительным авторитетом. Этим статусом Тургенева в том числе может объясняться решение Гончарова сообщить ему свои замыслы.

В 1887 году, уже после смерти Тургенева, Гончаров так вспоминал об обстоятельствах раскрытия замысла «Обрыва»: «Прежде я называл его просто „Художник Райский“ и рассказывал содержание всем и каждому из приятелей литераторов, еще в пятидесятых годах, всего более Тургеневу, которому в 1855 году, в скором времени по возвращении моем из кругосветного путешествия, подробно пересказывал в несколько приемов все подробности, передавал сцены, характеры, так как он более всех сочувствовал, по своей впечатлительности и чуткой восприимчивости в искусстве, моему труду, предсказывая ему успех».²⁵

Между тем в середине 1850-х годов как в политической и социальной жизни России, так и в раскладах сил внутри литературного поля произошли существенные изменения.

В последние годы николаевского царствования литературный быт еще в значительной степени держался на традициях и установлениях эпохи 1820–1840-х годов, эпохи, когда художественные произведения обсуждались и оценивались в кружках, салонах, литературных обществах, на дружеских обедах и вечерах.²⁶ Гончаров, как писатель, безусловно, был человеком этой культуры: его первые творческие опыты связаны с уже упоминавшимся литературным салоном Майковых²⁷ и кружком Белинского, следы этого быта без труда обнаруживаются и в его текстах («Литературный вечер»; 1877). Журналы, которые станут главными агентами литературного поля в следующие десятилетия, еще не получили такого развития, какое они получат в конце 1850-х годов и позже. Их функции выполняли кружки, салоны и общества. Именно в них подспудно формировались институты редактирования, рецензирования и критики. Вопросы об авторском праве, заимствовании и плагиате внутри своего литературного круга решались в основном неконфликтно или вообще не ставились. Тексты Пушкина, Вяземского, Жуковского, Дельвига, Баратынского часто проходили через неофициальную дружескую редактуру и критику. Пушкин рассказал в присутствии В. П. Титова фантастическую повесть «Уединенный домик на Васильевском», которая впоследствии была напечатана под именем Титова,²⁸ Пушкину Гоголь был обязан сюжетами своих главных произведений — «Ревизора» и «Мертвых душ».²⁹

²⁴ Ср. выводы исследователей: «Принципиальным для него (Тургенева. — С. Г.) оказывается стремление утвердить за собой репутацию литератора, умеющего одновременно успешно участвовать в совершенно разных <...> областях словесности и журналистики. Поливалентность его стратегии органично вписывается в контекст середины 50-х гг., сближая с такими фигурами, как Некрасов, Панаев или Дружинин, работавшими на грани различных жанров и форм литературной деятельности» (Бодрова А. С., Велижев М. Б. И. С. Тургенев — издатель Баратынского, или Русские второстепенные поэты в 1854 году // Тыняновский сб. М., 2009. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. С. 135).

²⁵ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. С. 33.

²⁶ Как отмечал Б. М. Эйхенбаум, «в начале XIX в. <...> основной тип литератора — поэт-дилетант, не стремящийся уже к положению придворного „певца“ и еще не нуждающийся в публичной „эстраде“. „Домашность“, как литературно-бытовая позиция, принимает у некоторых поэтов этой эпохи особенно резкую и принципиальную форму» (Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 4).

²⁷ См. об этом: Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб., 2021.

²⁸ См. об этом: Кардаш Е. В. Повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 373–390.

²⁹ Ср.: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль „Ревизора“ и „Мертвых душ“» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 59). Подробнее см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4. Ревизор. С. 633–640.

В целом беззаботное отношение к тому, что мы сейчас называем интеллектуальной собственностью, среди прочего, связано было с еще слабой профессионализацией и коммерциализацией литературы. «Никто не думал извлекать из своих произведений других выгод, кроме успехов в обществе, авторы сами поощряли их перепечатку и тщеславились этим», — писал Пушкин в 1836 году.³⁰

Конфликтные ситуации, связанные с нарушением авторского права, возникали в тех случаях, когда такие «похищения» происходили за пределами дружеской или литературной общности, без ведома и участия автора-«донора». Таковой была, например, скандальная полемика рубежа 1820–1830-х годов вокруг плагиата из еще не опубликованного «Бориса Годунова» в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец»: Пушкин и его круг не без основания обвиняли издателя «Северной пчелы» в несанкционированном знакомстве с трагедией и заимствованиях из нее благодаря сотрудничеству Булгарина с III Отделением.³¹

Конфликт пушкинского круга с Булгариным выявил принципиальное расхождение между автономным и гетерономным принципами иерархизации литературного поля,³² которые конкурировали и так или иначе сосуществовали в реальном литературном производстве 1830-х — первой половины 1850-х годов. Несмотря на значительные успехи «коммерческой словесности» во второй половине 1830-х — 1840-е годы, автономный принцип построения литературных иерархий, важность внутрикружковых отношений и предпочтение символического капитала материальному продолжали оставаться релевантными для «людей сороковых годов».

Гончаров, рассказывая Тургеневу планы «Обрыва», действовал в русле этой кружковой традиции. Тургенев, выслушавший Гончарова и использовавший какие-то элементы его замысла в «Дворянском гнезде», тоже, с его точки зрения, не делал ничего предосудительного, потому что так литераторы поступали и раньше, и это не воспринималось как преступление. Тем более что Тургенев уже некоторое время стремился «играть роль законодателя на русском Парнасе»,³³ а Гончарова он по-прежнему не воспринимал как значимого агента литературного поля.

В творческой биографии самого Тургенева именно в этот период наступил переломный момент. Как показывает обращение к другим тургеневским произведениям рубежа 1850–1860-х годов, задействование чужих текстов для конструирования собственных замыслов можно считать его своеобразной творческой стратегией. В «Предисловии к романам», в третьем издании своих «Сочинений» (1880), Тургенев, например, открыл, что материалом романа «Накануне» послужила оставленная ему в 1854 году соседом по имени В. В. Каратеевым повесть «Московское семейство».³⁴ Исследователи указывали и на другие мотивы из произведений современников, использованные Тургеневым в первых его романах. Так, А. И. Батюто отмечал несомненную связь «Рудина» и «Накануне» с сочинениями Ж. Санд, И. И. Панаева и В. В. Каратеева. Это наблюдение, по мнению ученого, «приводит к заключению, что лирические особенности писательского дарования Тургенева в какой-то степени предопределяли относительную слабость его творческой фантазии в сфере сложения и компоновки сюжета, фабулы и композиции этих романов. Здесь ему нужен был толчок извне, по преимуществу со стороны писателей-современников. Но <...>, — оговаривается ученый, — автор „Рудина“ и „Накануне“ нуждался в такой поддержке только в самом начале своей работы. В дальнейшем он проявлял полнейшую независимость и, как художник, значительно опережал тех авторов, „подсказкой“ которых ему в той или иной мере пришлось воспользоваться. По сравнению с романами и повестями Ж. Санд,

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. Письма. С. 693.

³¹ См.: Пушкин А. С. 1) Соч. Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2008. Вып. 2. Борис Годунов. С. 127–130; 2) Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. Драматические произведения. С. 584–585.

³² Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

³³ Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986. С. 253 (сер. «Литературные памятники»).

³⁴ Название повести раскрыто Анненковым с ошибкой в фамилии автора (см.: Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 417–418).

Панаева и Каратеева, несомненно стимулировавшими возникновение сюжетно-фабульной и композиционной первоосновы „Рудина“ и „Накануне“, эти романы Тургенева отличались совершенством языка и стиля, стремительной последовательностью, упорядоченностью и лаконизмом в развитии действия, жизненностью и психологическим богатством образов, особой глубиной одушевлявшей их идеи, — одним словом, гораздо большей общественной и эстетической значимостью своей формы и содержания».³⁵

Свобода, с которой Тургенев позволял себе оперировать чужими текстами, может отчасти объясняться и его редакторским опытом во второй половине 1850-х годов. Особенности весьма настойчивой тургеневской редактурой стихотворений Баратынского, Полонского, Тютчева и Фета достаточно хорошо известны,³⁶ как, впрочем, и то обстоятельство, что никто из авторов публично не восставал против нее.

Однако, как представляется, в случае с Гончаровым, усомнившимся в правомочности творческого заимствования (или своего рода переписывания) собственного текста в тургеневском «Дворянском гнезде», значимую роль сыграла как перемена символических и социальных статусов писателей, так и существенная трансформация литературного поля и литературных иерархий в первые годы царствования Александра II.

Гончаров вошел в литературу в конце 1840-х годов, на волне потребности в «обыкновенных талантах», провозглашенной Белинским в предисловии к «Физиологии Петербурга»: «Высокий талант, особенно гений, действует по вдохновению и приотливно идет своею дорогою; его нельзя пригласить в сотрудничество по изданию книги, ему нельзя сказать: „Напишите нам статью, которой содержание касалось бы петербургской жизни, а то, что вы предлагаете для нашей книги, нейдет к ней, и нам этого не надо“. Притом же слишком много нужно было бы гениев и великих талантов, чтоб публика никогда не нуждалась в литературных произведениях, удовлетворяющих насущную потребность ее ежедневных досугов. Иногда в целое столетие едва ли явится один гениальный писатель: неужели же из этого должно следовать, что иногда целое столетие общество должно быть совсем без литературы? Нет! Литература в обширном значении этого слова представляет собою целый живой мир, исполненный разнообразия и оттенков, подобно природе, произведения которой делятся на роды и виды, классы и отделы и от громадных размеров слона доходят до миниатюрных размеров колибри. Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но небогата и литература, в которой всё — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы».³⁷

В «Физиологии Петербурга», знаменитом альманахе, ознаменовавшем рождение «натуральной школы», Гончаров не участвовал; с Белинским он познакомится только в 1846 году. Однако в то же время он работает над своим первым романом, который называется «Обыкновенная история», и созвучие этого названия с модой на «обыкновенность» и «второстепенность» не кажется случайным. Писатель и в дальнейшем сохранял самоидентификацию «обыкновенного таланта», а в своих литературно-критических статьях развивал эту мысль Белинского. К тому же, такое самоопределение могло легитимировать в глазах Гончарова сложный и вынужденно «второстепенный» статус его литературных занятий в 1840-х — первой половине 1850-х годов.

³⁵ Батюто А. И. Тургенев — романист. Л., 1972. С. 325–326.

³⁶ «Тургеневу, как ценителю и, в особенности, редактору чужих поэтических произведений, была исключительно присуща одна черта — постоянное стремление находить те или иные погрешности в читаемых или слушаемых им стихах и настаивать на исправлении их в желательную ему сторону. <...> Ни одно из присылаемых ему стихотворений не обходится без многочисленных указаний, самых разнообразных обсуждений то того, то другого неудачного, по его мнению, места, настойчивых требований провести те или иные исправления» (Благой Д. Д. Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 52). См. также: Бодрова А. С., Велижев М. Б. И. С. Тургенев — издатель Баратынского... С. 119–147.

³⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 379.

В конце же 1850-х годов, на фоне общественного, политического, литературного оживления первых лет нового царствования, идея «обыкновенных» талантов начинает казаться несколько устаревшей и не вполне релевантной для актуальной литературной жизни, сосредоточенной в активно развивающихся и конкурирующих между собой журналах. На смену идее важности «второстепенных» поэтов и писателей снова приходит романтический культ Гения, идея определения «первого писателя», «главы литературы». Публикация в журнале «Современник» в 1855 и 1856 годах отрывков из книги Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841) в переводе В. П. Боткина становится одним из важных триггеров этого процесса. Убеждение Карлейля в том, что и писатель может быть героем в истории, с энтузиазмом поддерживается русской литературой и публикой.³⁸

Ведущие журналы эпохи: «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Русский вестник» — выдвигают своих «гениев», «первых писателей», в числе которых называют Тургенева, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, Н. В. Успенского...³⁹ Благодаря значительному успеху романа «Обломов», вышедшего в «Отечественных записках» и затем отдельным изданием, и в особенности благодаря статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», среди серьезных претендентов на звание «первого русского писателя» неожиданно для себя оказался и Гончаров. Для нашего сюжета существенно, что Добролюбов не только сравнивал Гончарова с Тургеневым, но и утверждал, что творец «Обломова» во многом превосходит всех русских писателей.

Есть все основания предполагать, что после 1859 года Гончаров переосмыслил собственную роль в литературе и в свете этого переоценил и свои отношения с Тургеневым, который в том же году снискал значительные похвалы критики и коммерческий успех злосчастным «Дворянским гнездом». Следствием этого укрепившегося писательского самоощущения и растущих творческих амбиций легко могло стать новое, ревностное отношение к произведениям Тургенева, которого Гончаров начал воспринимать прежде всего как недобросовестного конкурента и за символический капитал, и за финансовый. Показателен фрагмент из «Необыкновенной истории», подсвечивающий этот аспект конфликта: «Однажды я встретил Дудышкина на Невском проспекте и спросил, куда он идет. „К бархатному плуту (так звали мы его про себя) обедать“. — „Это на мои деньги (разумея гонорарий, полученный за повесть «Накануне»), — заметил я шутя, — будете обедать“. — „Сказать ему?“ — спросил смеючись Дудышкин. — „Скажите, скажите!“ — шутя же заметил я, и мы разошлись» (с. 207).

Таким образом, можно сказать, что разразившийся в 1860 году скандал был предопределен как различием социальных статусов известных писателей, так и трансформациями литературного поля в период с 1855 года (когда Гончаров рассказал Тургеневу замысел «Обрыва») по 1860 год (когда впервые прозвучали обвинения в плагиате). Во второй половине 1850-х годов трансформировался характер литературной коммуникации, в условиях острой конкуренции персонализировалась политика журналов, а в связи с выходом «Обломова» (1859) и особенно статьи о нем Добролюбова изменилась и самоидентификация Гончарова. В результате нормализованная в предыдущую эпоху апроприация чужих мотивов и сюжетов стала осознаться Гончаровым как неприемлемая и привела к конфликту с Тургеневым. Причины ссоры Тургенева и Гончарова кроются не только и не столько в психологических особенностях их личностей или сходстве или различии творческих приемов, а в актуальных социокультурных и историко-литературных процессах. Обращение к этому конфликту и рассмотрение его под другим углом зрения доказывает, что исследование социальной истории литературы, истории развития ее институтов помогает найти новый подход к старым историко-литературным проблемам.

³⁸ См. об этом: *Макеев М. С.* Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008. С. 135–144.

³⁹ См. об этом: *Вдовин А. В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. С. 90–178.

2. *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: Документы и материалы. СПб., 2006.
3. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
4. *Кормилов С. И.* Мей Лев Александрович // Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 т. М., 1990. Т. 2. М–Я.
5. *Лизунова И. В.* Издательские стратегии XXI в.: понятие, сущность, значение // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4.
6. *Мей Л. А.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. К. К. Бухмейер. М., 1972 (Библиотека поэта. Большая сер.).
7. *Мей Л. А.* Стихотворения и драмы / Вступ. статья, ред. и прим. С. А. Рейсера. Л., 1947 (Библиотека поэта. Малая сер.).
8. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1.
9. *Тарле Е. В.* Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8.

References

1. *Grinchenko N. A., Patrusheva N. G.* Komitet tsenzury inostrannoi v Peterburge, 1828–1917: Dokumenty i materialy. SPb., 2006.
2. *Kormilov S. I.* Mei Lev Aleksandrovich // Russkie pisateli: Biobibliograficheskii slovar': V 2 t. M., 1990. T. 2. M–Ya.
3. *Lizunova I. V.* Izdatel'skie strategii XXI v.: poniatie, sushchnost', znachenie // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2018. T. 25. № 4.
4. *Mei L. A.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. K. K. Bukhmeier. M., 1972 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
5. *Mei L. A.* Stikhotvoreniia i dramy / Vstup. stat'ia, red. i prim. S. A. Reiserera. L., 1947 (Biblioteka poeta. Malaia ser.).
6. *Nikitenko A. V.* Dnevnik: V 3 t. M., 1955. T. 1.
7. *Tarle E. V.* Soch.: V 12 t. M., 1959. T. 8.
8. *Vorob'eva O. A. L. A.* Mei v redaktsii zhurnala «Russkoe slovo» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2018. № 4.
9. *Zhirkov G. V.* Istoriia tsenzury v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

КОНФЛИКТ И. А. ГОНЧАРОВА И И. С. ТУРГЕНЕВА В СОЦИАЛЬНОЙ ОПТИКЕ

THE CONFLICT BETWEEN I. A. GONCHAROV AND I. S. TURGENEV IN A SOCIAL PERSPECTIVE

Статья посвящена анализу конфликта между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым с учетом социального и литературного контекста. В отличие от традиционных интерпретаций, акцентирующих внимание на психопатологических аспектах этого сюжета или верификации плагиата, в статье предлагается рассмотреть конфликт в связи с эволюцией социальных ролей писателей и трансформацией литературной коммуникации. Такой подход позволяет не только уточнить

причины конфликта, но и глубже понять механизмы функционирования литературного поля в России накануне эпохи Великих реформ.

Ключевые слова: плагиат, литературный кружок, литературное общество, журнал, репутация, Великие реформы.

This article analyzes the conflict between I. A. Goncharov and I. S. Turgenev, placing it into the framework of social and literary contexts. Contrary to the traditional interpretations that emphasize the psychopathological aspects of the issue and focus on verification of plagiarism, this study proposes to examine the conflict as an episode in the evolution of the writers' social roles and transformations in literary communication. Apart from clarifying the reasons for the conflict, this approach provides a deeper understanding of the mechanisms that shaped the literary field in Russia on the eve of the Great Reforms.

Key words: plagiarism, literary circle, literary society, journal, reputation, Great Reforms.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983.
2. Батюто А. И. Тургенев — романист. Л., 1972.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8.
4. Бодрова А. С., Велижев М. Б. И. С. Тургенев — издатель Баратынского, или Русские второстепенные поэты в 1854 году // Тыняновский сб. М., 2009. Вып. 13. XII—XIII—XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы.
5. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.
6. Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011.
7. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4. Ревизор.
8. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
9. Григорович Д. В. Из «Литературных воспоминаний» // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969.
10. Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб., 2021.
11. Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986 (сер. «Литературные памятники»).
12. Кардаш Е. В. Повесть В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44).
13. Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования.
14. Макеев М. С. Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
15. Недзвецкий В. А. Конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова как историко-литературная проблема // Slavica (Debrecen). 1986. Т. XXIII.
16. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988.
17. Панаев А. Я. Воспоминания. М., 1948.
18. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. Письма.
19. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. Драматические произведения.
20. Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2008. Вып. 2. Борис Годунов.
21. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1995. Т. 9.

References

1. Annenkov P. V. Literaturnye vospominaniia. M., 1983.
2. Batiuto A. I. Turgenev — romanist. L., 1972.
3. Belinskii V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1955. T. 8.
4. Bodrova A. S., Velizhev M. B. I. S. Turgenev — izdatel' Baratynskogo, ili Russkie vtorostepennye poety v 1854 godu // Tynianovskii sb. M., 2009. Vyp. 13. XII—XIII—XIV Tynianovskie chteniia: Issledovaniia. Materialy.
5. Burd'e P. Pole literary // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 45.
6. Druzhinin A. V. Povesti. Dnevnik. M., 1986 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
7. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. M., 2003. T. 4. Revizor.
8. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.
9. Grigorovich D. V. Iz «Literaturnykh vospominanii» // I. A. Goncharov v vospominaniakh sovremennikov. L., 1969.
10. Grodetskaia A. G. Goncharov v literaturnom dome Maikovykh. 1830–1840-e gody. SPb., 2021.

11. *Kardash E. V. Povest' V. P. Titova «Uedinennyi domik na Vasil'evskom» // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 2009. Vyp. 5 (44).*
12. *Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov: Novye materialy i issledovaniia.*
13. *Makeyev M. S. Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (oчерki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki). M., 2008.*
14. *Nedzvetskii V. A. Konflikt I. S. Turgeneva i I. A. Goncharova kak istoriko-literaturnaia problema // Slavica (Debrecen). 1986. T. XXIII.*
15. *Panaev I. I. Literaturnye vospominaniia. M., 1988.*
16. *Panaeva A. Ia. Vospominaniia. M., 1948.*
17. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. L., 1979. T. 10. Pis'ma.*
18. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2009. T. 7. Dramaticheskie proizvedeniia.*
19. *Pushkin A. S. Soch. Kommentirovannoe izdanie / Pod obshch. red. D. M. Betea. M., 2008. Vyp. 2. Boris Godunov.*
20. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. M., 1995. T. 9.*
21. *Vdovin A. V. Kontsept «glava literatury» v russkoi kritike 1830–1860-kh godov. Tartu, 2011.*

Константин Абрекович Баршт

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Konstantin Abrekovich Barsht

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1152-4083

konstantin_barsht@pushdom.ru

ПРАГМАТИКА ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

THE PRAGMATICS OF F. M. DOSTOYEVSKY'S ART

В статье предлагается гипотеза о ведущей роли в творчестве и мировоззрении Ф. М. Достоевского органической философии, сложившейся в общих чертах еще в юности, укрепившейся в годы ссылки в Сибири и ставшей основой его художественной практики в 1860–1870-х годах. Выросшая из идей Просвещения, поддержанная старшими славянофилами А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, идея о живой и разумной Вселенной, где человек есть часть ее Целого, была развита мыслителями круга журналов «Время» и «Эпоха» (1861–1865) А. А. Григорьевым, М. М. Достоевским, Н. Н. Страховым, обратившими органическую теорию в прагматический проект «почвенничества», требовавшего восстановления связи человека с Вселенной с помощью живого религиозного чувства и ориентации его нравственности и онтологии на образ Иисуса Христа. Достоевский посвятил последние 20 лет жизни служению этой идее, обратив свое литературное творчество в описание путей реализации нравственного и социального преобразования человечества.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, органическая философия, интуитивное познание реальности, проект «почвенничества», цельность и единство Мироздания.

The article proposes a theory concerning the utmost importance of organic philosophy in the art and worldview of F. M. Dostoyevsky; taking its initial shape in his early years, the philosophy was reinforced in the years of his exile to Siberia and informed his literary practices of the 1860s–1870s. The idea of the vibrant and sapient Universe with the human being treated as a part of its Whole emerged from the ideas of the Enlightenment, to be supported by the older Slavophiles, A. S. Khomiakov and I. V. Kireyevsky, and later expanded by A. A. Grigoryev, M. M. Dostoyevsky and N. N. Strakhov, the thinkers from the *Vremya* and *Epokha* literary magazines (1861–1865), who had transformed the organic theory into the pragmatic «soil» movement that called for the restitution of the ties between humans and Universe through the vivid religious feelings and through the orientation of morality and ontology towards the image of Jesus Christ. The last 20 years of Dostoyevsky's life